

А. Богданов

**Основные элементы
исторического взгляда на
природу**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А11   **А. Богданов**
Основные элементы исторического взгляда на природу / А. Богданов – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 257 с.

ISBN 978-5-458-54913-4

ISBN 978-5-458-54913-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

рѣчіе сужденія съ дѣйствительностью, его ложность или правильность.

Если моя дѣятельность вполне логично вытекаетъ изъ ряда сужденій и, однако, приводитъ не къ тому, чего я ожидалъ—тогда въ числѣ сужденій есть по меньшей мѣрѣ одно ложное. Алхимикъ полагаетъ, что, во-1-хъ, открытое имъ вещество есть философскій камень и что, во-2-хъ, прикосновеніе философскаго камня превращаетъ желѣзо въ золото. Онъ примѣняетъ на дѣлѣ эти два сужденія, прикасается камнемъ къ желѣзу—но приходитъ къ противорѣчію: золота не получается. Одно изъ двухъ сужденій ложно, а, можетъ быть, конечно, и оба. Дѣйствительность опровергла воззрѣнія алхимика. Если бы онъ остался только при этихъ воззрѣніяхъ, не предпринималъ бы на ихъ основаніи никакой дѣятельности—ему невозможно было бы убѣдиться въ ихъ ложности, въ ихъ противорѣчій съ дѣйствительностью. Только въ дѣятельности человѣческія сужденія становятся въ непосредственную связь съ дѣйствительностью, только въ дѣятельности обнаруживается ихъ дѣйствительная цѣна. Истиной люди всегда называли то, что въ дѣятельности не приводитъ къ противорѣчію.

Слово «дѣятельность» тутъ слѣдуетъ понимать въ самомъ широкомъ значеніи. Мы говорять, что снѣгъ черенъ, а я *вижу*, что это неправда. Видѣть, слышать и т. д.—это также частные случаи дѣятельности (воспріятіе—дѣятельность сознанія).

Теперь понятно, изъ-за чего совершается познаніе, зачѣмъ нужна человѣчеству истина. Оно ея добивается, чтобы имѣть прочныя и надежныя основы для дѣятельности, т. е. въ концѣ концовъ—для борьбы съ природой. Истина—главное и лучшее орудіе въ этой борьбѣ.

Истина рождается въ дѣятельности познанія, и имѣетъ свою цѣлью дальнѣйшую дѣятельность, уже не только познавательную. Въ дѣятельности начало и конецъ, источникъ и внутренній смыслъ истины.

Вотъ почему страстное стремленіе къ истинѣ и глубокая вѣра въ нее такъ характерны для теченій молодыхъ, развивающихся, полныхъ силы: вѣдь сила есть то, что проявляется въ дѣятельности; для силы нужна истина. А на что она дряхлому безсилію, которому нуженъ покой, смерть?

Наше время полно силы и безсилія. Многие отживаютъ, многие зарождаются. Кажется, никогда еще въ прошломъ не доходили до такой степени безвѣріе и презрѣніе къ истинѣ—съ одной стороны, глубокая вѣра въ нее—съ другой.

§ 2.

Понятіе и слово.

Истины имѣютъ психологическую форму сужденій. Сужденія складываются изъ понятій, понятія выражаются словами. Такимъ образомъ безъ понятій и словъ истина невозможна.

Понятіе есть обобщеніе цѣлаго ряда представленій, связанныхъ между собою нѣкоторымъ сходствомъ. Именно это сходство, то *общее*, что существуетъ въ представленіяхъ даннаго ряда, и составляетъ понятіе и обозначается словомъ. За словомъ «человѣкъ» скрывается понятіе о человѣкѣ, которое объединяетъ цѣлую массу находящихся въ сознаніи образовъ одного, другого, третьяго и т. д. лицъ, которыхъ когда-либо приходилось встрѣчать, видѣть, слышать...

Отдѣльныя представленія не остаются неизмѣнными въ одномъ и томъ же сознаніи, и никогда не могутъ быть вполне одинаковыми въ двухъ различныхъ сознаніяхъ. Цѣлыя группы представленій, обобщаемыя въ понятіяхъ, тѣмъ болѣе измѣнчивы въ жизни отдѣльнаго сознанія, и тѣмъ болѣе не одинаковы въ различныхъ сознаніяхъ. Положимъ, я составилъ себѣ понятіе «животнаго», не подозрѣвая о существованіи такихъ организмовъ, какъ полипы, инфузоріи, амебы. Когда я знакомлюсь затѣмъ съ этими интересными представителями животнаго царства, сложившееся понятіе должно, очевидно, измѣниться, потому что къ прежнему ряду представленій, который лежитъ въ его основѣ, присоединилась цѣлая группа новыхъ, весьма своеобразныхъ. Терминъ «животное» получаетъ для меня иное значеніе, чѣмъ прежде. Точно такъ же понятіе о «человѣкѣ» никакъ не можетъ быть вполне тождественнымъ у анатома, которому всего больше приходится имѣть дѣло съ грубымъ строеніемъ человѣческаго тѣла, — у психолога, который занимается по преимуществу психической жизнью человѣка, — у чиновника, въ дѣятельности котораго человѣкъ выступаетъ главнымъ образомъ, какъ предметъ административнаго воздѣйствія.

Между тѣмъ и анатомъ, и психологъ, и чиновникъ употребляютъ одно и то же слово «человѣкъ». Измѣнчивое понятіе одѣвается въ оболочку слова — оболочку твердую, малоспособную измѣняться ¹⁾).

¹⁾ Конечно, и слово не есть нѣчто неизмѣнное: человѣческіе языки способны къ развитію; для сильно измѣнившихся понятій люди нерѣдко вводятъ въ употребленіе измѣненные слова. Но все же, сравнительно съ понятіемъ, слово обладаетъ неизмѣримо большимъ консерватизмомъ, оно измѣняется гораздо медленнѣе, и громадное большинство обычныхъ колебаній въ *значеніи* словъ не отзываются вовсе на ихъ *строеніи*. Дѣло доходитъ иногда до того, что слово пріобрѣтаетъ нѣсколько значеній, въ

Слово придаетъ истинѣ прочность и дѣлаетъ ее общимъ достояніемъ людей. Слово — орудіе сохраненія и распространенія истины. Если два слова были такъ же измѣнчивы, какъ понятія, — люди почти совсѣмъ не понимали бы другъ друга, способность рѣчи была бы бесполезна. Но тотъ же консерватизмъ слова, который составляетъ такое важное достоинство, является и главнымъ его недостаткомъ. Измѣнчивость понятій рядомъ съ устойчивостью въ употребленіи словъ приводитъ къ тому, что люди никогда, въ сущности, не говорятъ на совершенно одномъ и томъ же языкѣ. Два представителя одной націи, одного племени, сословія, класса, даже два члена одной семьи никогда не придаютъ *точно* одинаковаго смысла однимъ и тѣмъ же словамъ. Это можно, наконецъ, сказать и объ отдѣльной личности, взятой въ различные періоды ея жизни.

Къ счастью, эти различія въ значеніи словъ имѣютъ свои предѣлы, и до известной степени люди все-таки понимаютъ другъ друга. Какъ ни мало сходства представляетъ реальное содержаніе понятія «истины» въ головахъ эпикурейца и христіанина, тѣмъ не менѣе, когда тотъ и другой говорятъ объ истинѣ вообще, нельзя сказать, чтобы у нихъ рѣчь шла о двухъ совершенно различныхъ вещахъ. Степень взаимнаго пониманія людей, смотря по обстоятельствамъ, очень неодинакова; иногда она такъ низка, что людямъ не стоитъ и разговаривать между собой (пословица «сытый голоднаго не разумѣетъ»); иногда она такъ высока, что одинъ человекъ, не заканчивая самъ начатой работы мысли, со спокойнымъ сердцемъ предоставляетъ это другому.

Но именно въ царствѣ науки мы сталкиваемся едва-ли не съ наибольшей измѣнчивостью и разнообразіемъ понятій, скрывающихся за тождественными словами. Напр., понятіе «развитія» въ современной біологіи и въ современной соціологіи пока еще во многомъ не сходно; и если сравнить въ этомъ отношеніи современную біологію съ той же наукой 40-хъ 50-хъ годовъ, то окажется очень большая разница. Даже нынѣшніе виталисты говорятъ какъ-будто совсѣмъ на иномъ языкѣ, чѣмъ дарвинисты. Получается своего рода столпотвореніе вавилонское — работники одного дѣла не понимаютъ другъ друга, и нерѣдко мѣшаютъ другъ другу.

самой ничтожной степени связанныхъ между собой. Такъ слово «коса» означаетъ на русскомъ языкѣ и головное украшеніе, и нѣсколько похожее на него по формѣ орудіе, и такой же приблизительно формы небольшой полуостровъ. Подобныя слова—«омонимы»—представляютъ изъ себя уже крайность консерватизма, но въ сущности каждое слово есть до нѣкоторой степени омонимъ, такъ какъ въ различныхъ случаяхъ оно выражаетъ не вполне одинаковыя понятія.

Конечно, есть для такого явления достаточныя причины: быстрый прогресс науки, содержаніе которой въ какіе-нибудь десятки лѣтъ радикально измѣняется; современное дробное раздѣленіе науки—крайняя спеціализація познанія; недостаточная взаимная связь въ дѣятельности отдѣльных работниковъ этой области. Однако, это ничуть не уменьшаетъ той путаницы и недоразумѣній, которая возникаетъ изъ нывѣшняго «смѣшенія языковъ» и загромождаетъ путь къ истинѣ. Является вопросъ, какими способами можно бороться съ этими затрудненіями?

Не всѣ понятія измѣнчивы въ равной степени; нѣкоторыя изъ нихъ установились въ головахъ людей гораздо прочнѣе другихъ и лишь въ очень слабой степени подвержены колебаніямъ. Это самыя надежныя понятія, они наименѣе способны поселять въ людяхъ взаимное непониманіе. Таковы прежде всего наиболѣе обыденныя понятія, съ которыми большинству людей всего чаще приходится имѣть дѣло. Слово «человѣкъ» ни въ какомъ случаѣ не можетъ вызвать серьезныхъ недоразумѣній, тогда какъ терминъ «животно-растеніе» можетъ пониматься очень различно.—Далѣе, если сравнивать болѣе общія понятія съ болѣе частными, то первыя оказываются вообще менѣе измѣнчивыми по своему содержанію. И это вполне естественно: общее понятіе охватываетъ болѣе широкій кругъ представленій, чѣмъ частное; поэтому, чтобы вызвать замѣтное измѣненіе понятія, въ первомъ случаѣ надо присоединять къ прежнимъ большее количество новыхъ представленій, чѣмъ во второмъ. Такимъ образомъ, понятіе живой природы устойчивѣе, чѣмъ понятіе животнаго царства.

Слѣдовательно, наибольшей прочностью и консерватизмомъ отличаются тѣ понятія, которыя одновременно обладаютъ и общимъ характеромъ по содержанію, и большимъ распространеніемъ въ обществѣ. Такихъ понятій не много.

Другія понятія сравнительно измѣнчивы. Чтобы придать имъ болѣе прочности и опредѣленности, ихъ надо какимъ-нибудь способомъ свести къ первымъ, тогда возможность недоразумѣній сильно уменьшается. Сведеніе понятій болѣе частныхъ и шаткихъ къ болѣе общимъ и постояннымъ называется опредѣленіемъ понятій.

Опредѣленіе понятій напоминаетъ собою опредѣленіе географическаго положенія мѣстъ съ помощью такъ называемыхъ постоянныхъ линій и поверхностей. Такая-то параллель широты представляетъ изъ себя вполне опредѣленную линію, но она проходитъ черезъ множество различныхъ мѣстъ; то же можно сказать и о ка-

жомъ данномъ меридіанѣ; и если указана только высота мѣста надъ уровнемъ моря, то этимъ дана цѣлая поверхность, правда вполне опредѣленная, но очень обширная. А когда точно установлена и широта, и долгота, и высота точки, то ея положеніе опредѣлено вполне, относительно него не можетъ быть споровъ и недоумѣній. Съ понятіями поступаютъ приблизительно такъ же: болѣе колеблющіяся и частныя опредѣляются черезъ отнесеніе ихъ къ болѣе установленнымъ и общимъ. Положимъ, намъ приходится бесѣдовать о «философіи»; значеніе этого термина у различныхъ людей весьма различно, и вообще измѣнчиво; мы опредѣляють понятіе, — говорить, что философія — это наука о познаніи; такимъ образомъ, точно устанавливается связь даннаго понятія съ тремя другими: во-первыхъ, съ понятіемъ о наукѣ вообще, во-вторыхъ, — о познаніи, въ-третьихъ, объ опредѣленномъ отношеніи между тѣмъ и другимъ (о томъ отношеніи, которое выражается словами «познаніе *есть предметъ науки*»). Каждое изъ этихъ трехъ понятій гораздо постояннѣе понятія «философіи», возможность словесной путаницы въ значительной степени устраняется. Если даже я буду недоволенъ этимъ опредѣленіемъ, то все же я буду знать, о чемъ говорить, когда употребляють слово «философія» ¹⁾).

Опредѣленіе понятій — драгоценное средство противъ ихъ смѣшенія и противъ взаимнаго непониманія людей. Орудіемъ опредѣленія служить все-таки слово, и притомъ даже наиболѣе постоянныя понятія обладаютъ нѣкоторой измѣнчивостью; поэтому цѣль достигается не вполне. Различія въ пониманіи словъ сводятся къ наименьшей величинѣ, но не устраняются безусловно. А сколько силъ было потрачено людьми въ прошломъ на безплодныя препирательства, порожденныя чисто словесными разногласіями! ²⁾

Мы прежде всего постараемся, чтобы у насъ не было недоразумѣній съ читателемъ. И пусть онъ не раздражается, если иногда ему будетъ казаться, что мы даемъ совершенно излишнія опредѣленія, что понятія и безъ того ясны... Немного скуки лучше, чѣмъ много путаницы.

¹⁾ Кстати сказать, съ приведеннымъ въ примѣръ опредѣленіемъ мы совершенно не согласны, какъ увидитъ читатель.

²⁾ До нашихъ дней иные „мыслители“ не отдѣлялись отъ слѣпой вѣры въ слова, и усердно обманываютъ себя и другихъ, играя различными значеніями словъ, сводя къ бессодержательнымъ, но громкимъ терминамъ полные реальнаго содержанія факты жизни, объясняя нѣчто — ничѣмъ. Съ этими господами мы не разъ встрѣтимся при дальнѣйшемъ изложеніи.

§ 3.

Истина относительна.

Астрономическая теорія Птолемея, по которой земля неподвижно помѣщается въ центрѣ вселенной, оказалась ложною. Однако, въ теченіе многихъ вѣковъ она давала людямъ умственное удовлетвореніе и не приводило къ замѣтнымъ противорѣчіямъ, т. е. играла роль истины. Чтобы быть справедливымъ, слѣдуетъ сказать, что въ извѣстной намъ дѣйствительности очень многое происходитъ такъ, какъ будто бы ученіе Птолемея было совершенно правильно; и если истина есть то, что не противорѣчитъ дѣйствительности, то даже съ современной точки зрѣнія въ древней астрономической теоріи есть значительная доля истины.

Коперникъ впервые показалъ, что не все въ природѣ совершается согласно со старымъ ученіемъ, что въ дѣятельности познанія оно приводитъ къ нѣкоторымъ противорѣчіямъ. На мѣсто прежняго заблужденія онъ поставилъ свою новую истину, которая учитъ, что солнце, а не земля, неподвижно и занимаетъ центръ міра. Коперникъ перевернулъ старое ученіе, но сохранилъ многіе его элементы: порядокъ расположенія планетъ и звѣздъ, движеніе луны вѣкругъ земли и т. д. Этимъ онъ опять-таки показалъ, что и взгляды древнихъ астрономовъ были отчасти истинны.

Идея Коперника о неподвижности солнца вступила въ противорѣчіе съ дѣйствительностью во времена Исаака Ньютона. Теорія всемірнаго тяготѣнія требовала, чтобы солнце и планеты обращались вѣкругъ общаго центра тяжести—нѣкоторой математической точки, которая располагается только вблизи отъ центра солнца. Остатся при взглядахъ Коперника—значило бы превратить новыя данныя о движеніи планетъ въ хаосъ противорѣчій. Истина Коперника смѣнилась болѣе совершенною истиной Ньютона.

Но и для Ньютона, если не солнце, то солнечная система въ ея цѣломъ представлялась неподвижною среди звѣздъ. Измѣреніе звѣздныхъ движеній и звѣздныхъ разстояній разрушило эту часть «истины» Ньютона. Оказалось, что въ звѣздномъ пространствѣ млечнаго пути вся солнечная система въ цѣломъ перемѣщается по направленію, приблизительно, къ созвѣздію Геркулеса, со скоростью $1/2—3/4$ милліарда километровъ въ годъ.

Современная астрономическая теорія пока еще не приводитъ къ новымъ противорѣчіямъ. Но нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы человѣчество остановилось на ней.

Совершенно аналогичныя явленія происходили и происходят во всѣхъ другихъ областяхъ познанія. Истина измѣняется. Исторія развитія человѣческаго ума есть непрерывный процессъ превращенія старой истины въ заблужденіе и возникновенія изъ нея новой истины. И всякую новую истину развитіе познанія рано или поздно сдѣлаетъ заблужденіемъ.

Почему это такъ? Потому что познаніе только отражаетъ дѣйствительность, а отраженіе никогда не можетъ *вполнѣ* соответствовать отражаемому. Но съ улучшеніемъ отражающаго аппарата самое отраженіе становится совершеннѣе, точнѣе воспроизводитъ дѣйствительность. Цѣной разрушенія старой истины покупается новая.

Безусловной, абсолютной истины никакое познаніе не можетъ дать. Истина познанія всегда относительна, т. е. ограничена, имѣетъ силу только въ предѣлахъ извѣстныхъ условій. Можетъ быть, это и грустно — но это несомнѣнно. Еслибы даже познавательная способность была идеально совершенною, еслибы человѣческій умъ самъ по себѣ былъ въ силахъ достигнуть полной, неизмѣнной истины — тогда не въ силахъ было бы выразить ее слово, съ его измѣнчивымъ, колеблющимся значеніемъ — несовершенное орудіе передачи мыслей.

Въ познаніи, если что и можетъ быть абсолютнымъ, такъ только отрицаніе абсолютнаго, если что можетъ быть постоянно, такъ только измѣнчивость. Старое значеніе необходимо смѣняется новымъ; и въ сущности жалѣтъ тутъ не о чемъ, если это послѣднее полнѣе, совершеннѣе стараго. Какъ мы видѣли, истина нужна *для дѣятельности*; а такъ какъ человѣческая дѣятельность во всякое данное время ограничена, то и ограниченная, т. е. относительная истина познанія можетъ быть вполнѣ достаточною для нея. Съ расширеніемъ дѣятельности прежняя истина становится недостаточной, и должна измѣниться.

За то и «заблужденіе» не представляетъ изъ себя безусловнаго отрицанія истины; слово это означаетъ, вообще говоря, неполную и потому неудовлетворительную истину. У каждой эпохи есть своя истина, достаточно для нея полная и удовлетворительная; но другая эпоха, съ большимъ развитіемъ человѣческой дѣятельности, должна стать выше, видѣть яснѣе и дальше.

Смѣна стараго новымъ въ области познанія происходитъ не такъ-то легко. Отжившія понятія умираютъ не сразу. Когда уже на каждомъ шагѣ чувствуется ихъ неправильность, ихъ противорѣчіе съ дѣйствительностью — они все еще продолжаютъ держаться въ созна-

ни большинства людей. Различными способами, начиная от словесной защиты и кончая кострами инквизиции, старыя заблужденія отстаиваютъ свое господство надъ умами противъ высшихъ идей, приходящихъ имъ на смѣну. Почему такъ бываетъ,—это мы постараемся выяснитьъ потомъ; но такъ бывало всегда до сихъ поръ. Идейная жизнь нашего времени представляетъ также борьбу старыхъ истинъ съ новыми.

ЧАСТЬ I.

П Р И Р О Д А.

§ 1.

Статика и движеніе.

Минувшіе вѣка завѣщали нашему времени одно громадное заблужденіе. Оно было въ свое время истиной и законно господствовало надъ умами; но теперь обстоятельства измѣнились, оно отжило свой вѣкъ. Продолжая все еще сохранять власть надъ большинствомъ людей, оно служитъ сильной задержкой на пути человѣческаго развитія.

Сущность этого заблужденія составляетъ идея о неподвижномъ, неизмѣнномъ, абсолютномъ въ природѣ,—такъ называемое статическое понятіе о вещахъ.

Статическій взглядъ на природу—это цѣлое міровоззрѣніе, это своеобразный способъ пониманія всѣхъ вообще явленій природы. Въ своемъ чистомъ видѣ онъ врядъ ли гдѣ нибудь теперь сохранился—развѣ только въ головѣ невѣжественнаго крестьянина или феодала. Но въ большей или меньшей степени статическое отношеніе къ вещамъ окрашиваетъ собою умственную жизнь громаднаго большинства, если не *всѣхъ* людей нынѣшняго вѣка. Для насъ, разумѣется, желательно познакомиться съ этимъ міровоззрѣніемъ въ его чистой, вполне развитой формѣ, а не въ механической смѣси съ противоположными взглядами. Всего лучше было бы обратиться къ какому-нибудь «статическому философу», съ просьбой кратко и ясно изложить его основные взгляды; но это, къ сожалѣнію, невыполнимо. Излагать ихъ придется намъ самимъ, противникамъ этихъ взглядовъ; а читатель долженъ пока положиться на нашу добросовѣстность (при случаѣ онъ можетъ проверить ее).

На землѣ лежитъ камень — простой, гладкій булыжникъ. Разсмотримъ, что онъ изъ себя представляетъ съ точки зрѣнія статически мыслящаго изслѣдователя.

Это — особый «предметъ», нѣчто совершенно отдѣльное отъ другихъ окружающихъ его предметовъ: земли, на которой онъ лежитъ, — воздуха, который его облегаетъ съ другихъ сторонъ, — сознанія, которое его изслѣдуетъ. Отдѣльность эта представляется въ такомъ видѣ: существуетъ рѣзкая граница въ видѣ нѣкоторой поверхности; то, что находится по одну сторону, есть безусловно «не камень»; а то, что по другую, есть такъ же безусловно «камень».

Далѣе предметъ этотъ является совершенно неподвижнымъ сочетаніемъ матеріальныхъ элементовъ — атомовъ. Атомы абсолютно неизмѣнны; а сочетаніе ихъ, если и можетъ измѣняться подѣйствіемъ вѣшнихъ силъ, то можетъ также при отсутствіи или недостаточной силѣ такого дѣйствія оставаться совершенно неизмѣннымъ. Сущность камня составляетъ не это сочетаніе элементовъ, а самые элементы — атомы; а такъ какъ они абсолютно постоянны, то камень въ различные моменты своего существованія представляетъ абсолютно одно и то же.

Строеніе предмета при обычныхъ условіяхъ характеризуется неподвижнымъ, спокойнымъ расположеніемъ атомовъ, и въ зависимости отъ этого предметъ обладаетъ вообще вполне опредѣленными и при обычныхъ условіяхъ неизмѣнными свойствами: его объемъ имѣетъ такую-то величину, не больше и не меньше; его форма такая-то, вѣсъ, химическій составъ, твердость, температура такіе-то. Никакой неопредѣленности въ этихъ свойствахъ статическое сознаніе не допускаетъ. Даже, если они измѣняются, то, сдѣлавшись иными, будутъ такъ же вполне опредѣленны.

Далѣе, статическое мышленіе не признаетъ за вещь никакой необходимости и исторіи возникновенія и измѣненія. Камень, или его атомы, возникли моментально, въ творческомъ актѣ, стоящемъ выше познанія. Камень можетъ существовать вполне независимо отъ всякихъ вѣшнихъ вліяній; они только случайно дѣйствуютъ на него и измѣняютъ его. Онъ существуетъ «самъ по себѣ»; если бы уничтожился весь міръ внѣ его, онъ все-таки остался бы.

Итакъ, статика приписываетъ «вещамъ» слѣдующія особенности: абсолютную отдѣльность, абсолютное единство, наличность неизмѣнной сущности и отсутствіе необходимой исторіи.

При такомъ представленіи о вещахъ становится совершенно непонятнымъ всякое движеніе въ природѣ: откуда ему взяться среди неизмѣнныхъ сущностей и неподвижныхъ сочетаній? Однако, оно наблюдается. Тутъ статика выходитъ изъ затрудненія, создавая другой рядъ сущностей, называемыхъ «силами». Это — тѣ причины, которыя порождаютъ въ природѣ движеніе, которыя производятъ въ